

Рассвет еще не успел озарить небо, и летнее деревенское утро встретило Лянь Сюэ холодом. Девушка поплотнее запахнула тонкую куртку из дакрона, жалея, что не надела одежду потеплее.

— Сестренка!

Лянь Сюэ доехала до края деревни, когда из кустов внезапно выскочила Лянь Пин, напугав её до смерти. Лянь Сюэ притормозила, помогла девочке подняться и принялась осматривать её, чтобы убедиться, что та не ушиблась.

— Ты зачем так выскакиваешь? А если бы поранилась?

Убедившись, что всё в порядке — лишь штанины испачкались в пыли — она взглянула на заплатки, которыми была усеяна одежда девочки.

Ох, ну что за напасть!

Лянь Пин была четвертой дочерью её младшего дяди. Девочке исполнилось всего десять лет, волосы её потускнели, а на голове красовалась крошечная косичка, перевязанная обрывком ткани. Ручки у неё были шершавыми, а одежда висела мешком, словно с чужого плеча.

Как рассказывала старшая тетя, всю работу по дому в семье дяди выполняла Лянь Пин. Она с малых лет вставала на табурет, чтобы готовить еду, а зимой её руки покрывались кровавыми трещинами от обморожения. При этом жена дяди, младшая тетушка, не делала по дому ровным счетом ничего, ведя себя так, будто она вдовствующая императрица, а если у неё случались неприятности на стороне, Лянь Пин становилась для неё главной «грушей для битья».

Старшую сестру Лянь Пин, Лянь Цао, дядя с теткой много лет назад продали в другие края за триста юаней. Теперь никто не знал, жива она или уже нет. Оставались еще две сестры — Лянь Цуй и Лянь Лю, которые всё так же жили дома, целыми днями вкалывая на полях тяжелее мужчин, чтобы прокормить своих ленивых родителей и братца Лянь Шэна.

Лянь Пин испуганно прошептала:

— Сестренка, уезжай отсюда и ни в коем случае не возвращайся! Я подслушала у окна, как папа с мамой говорили, что хотят подсыпать тебе что-то в еду, а еще отобрать твой дом, чтобы женить на нём брата. Не ходи туда и не ешь их еду!

Лянь Сюэ отряхнула пыль с её штанишек и равнодушно ответила:

— Не бойся, ты же знаешь, на что способна твоя сестра. Просто иди домой и води себя как обычно, будто ничего не слышала.

Лянь Пин не унималась, её била дрожь. Она хорошо помнила, как её старшая сестра съела целую миску тушеных яиц, после чего впала в беспамятство, и её унесли прочь — больше Лянь Пин её никогда не видела.

— А если ты тоже не вернешься, как старшая сестра? — глаза девочки покраснели, она дрожала от страха.

Лянь Сюэ обняла её и утешила:

— Пин-эр, не бойся. У нас есть старший дядя, они не посмеют.

Верно, у них есть старший дядя! Он был самым влиятельным человеком в бригаде, и все его слушались. Когда её отец продал старшую сестру, дядя так сильно его избил, что тот несколько дней не мог подняться с постели.

— Держи. Съешь сама, не носи домой. И пожуй что-нибудь, чтобы отбить запах, прежде чем идти, — Лянь Сюэ достала из сумки два мясных баоцзы, купленных в государственном ресторане, и вложила их в руки девочки.

— Угу.

Лянь Пин сглотнула слюну, глядя на горячие пышные булочки. Аромат мяса, такой дразнящий и сильный, ударил в нос, и в животе тут же заурчало.

Лянь Сюэ подхватила велосипед:

— Не переживай.

Сказав это, она уехала. Лянь Пин жадно вдохнула аромат баоцзы, сорвала у дороги пару чистых листьев, завернула в них гостинец и прижала к груди, боясь потерять. Она помчалась к Коровнику.

Убедившись, что вокруг никого нет, она бросила камень в дверь землянки. Ци Мин осторожно высунул голову:

— Сестренка Лянь Пин, ты наконец пришла! Подожди меня в роще, я кое-что тебе принесу.

Лянь Пин села на камень в роще. Баоцзы в руках всё еще обжигали кожу, согревая её сердце. Когда пришел Ци Мин, он протянул ей что-то и с напускной гордостью сказал:

— Ешь быстрее, это мама оставила тебе. Если бы ты не пришла, я бы сам всё съел.

В душе Лянь Пин разлилось тепло. Ей стало неловко — в последние дни дома была такая суматоха...

— Я тоже принесла тебе баоцзы.

— Откуда они у тебя?

— Моя сестра дала.

— Значит, Лянь Сюэ вернулась? Интересно, привезла ли она лекарство для моей мамы.

Сердце Лянь Пин сжалось. Она не знала, кого утешает — Ци Мина или саму себя:

— Всё будет хорошо. Тетя Лян обязательно поправится.

Она мечтала, чтобы тетя Лян прожила очень долго, настолько долго, чтобы она сама успела стать богатой, как её сестра, купить велосипед и увезти тетю Лян, Ци Мина и дядю Ци очень-очень далеко. Она купит самые дорогие лекарства, они будут каждый день есть мясо и укрываться самыми теплыми одеялами.

Лянь Сюэ долго размышляла и всё же решила пойти обедать к дяде. Не так страшен вор, как его постоянное внимание — если не пойти сейчас, кто знает, что они придумают в следующий раз.

Мать Лянь Шэна радушно встретила её:

— Сюэ пришла! Заходи скорее.

Увидев трех «неудачниц», которые стояли у порога, опустив головы, она лишь поморщилась — ну что за никчемные девки, даже на люди показаться стыдно. Вот если бы они были такими же красивыми, как Лянь Сюэ, она бы с них пылинки сдувала, а потом выдала бы замуж в хорошую семью.

— Наелись — и марш спать! Завтра в поле дел неупрочот.

Две сестры молча ушли в полуразвалившуюся землянку, а Лянь Пин с тревогой посмотрела на Лянь Сюэ. Та лишь подмигнула ей, призывая успокоиться.

Лянь Сюэ вошла в дом. Дядя Лянь Саньшунь сидел на кане, скрестив ноги, и с важным видом попыхивал самокруткой, подражая старшему дяде. Как только он открыл рот, в комнату потянуло едким дымом. Лянь Сюэ поморщилась и задержала дыхание.

Лянь Саньшунь с наслаждением затянулся и, увидев племянницу, приподнял веки:

— Пришла? Садись, ешь.

Он снова напустил на себя важности:

— То, что ты в прошлый раз устроила скандал у старшего дяди — это тетка твоя была не в себе, но ты же младшая, не держи на неё зла. Мы ведь одна семья, кровь не водица.

Лянь Сюэ понятия не имела, у кого он набрался этой напыщенной манеры поучать, но старые мужчины всегда любили поучительствовать. Неужели это та самая «мужская гордость»?

Лянь Сюэ села на край кана:

— Дядя, не стоит. Младшая тетушка — моя старшая, на что мне на неё обижаться?

Да и на что обижаться? Старшая тетя уже проучила её как следует. Хотя, судя по всему, тетка забыла урок — она снова надела ту самую кофту, испачканную куриным пометом.

Лянь Сюэ посмотрела, как кузен Лянь Шэн жадно уплетает курицу из тарелки. *Неужели в курицу ничего не подмешали?* — подумала она и сама положила себе в миску куриную ножку.

Мать Лянь Шэна аж передернуло от жадности — ну что за наглая девка! Она тут же принялась выхватывать куски из общей тарелки в свою миску. Дети без родителей совсем не знают приличий — одним махом лишила её сына куриной ножки!

Лянь Саньшунь бросил на жену суровый взгляд, намекая на её мелочность.

— А-а! — вскрикнула та.

Мать Лянь Шэна потерла ушибленное место и снова села на кан.

— Ничего, должно быть, укусил кто-то, — пробормотала она и зачерпнула миску овощного супа, протягивая сыну: — Сынок, не ешь так быстро, выпей супа, чтобы легче глоталось.

Лянь Шэн оттолкнул миску:

— Мам, не мешай мне есть мясо! Хочешь — сама пей, не лезь ко мне.

Тогда мать Лянь Шэна сунула миску Лянь Сюэ:

— Раз он не хочет, пей ты. Курица соленая, запей супом, так лучше для пищеварения.

<http://bllate.org/book/18942/1856554>